

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.1(470)“20/21”

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72

О ФОРМИРОВАНИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Смоленский Н. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Задачей данной статьи является анализ проблемы формирования либерального варианта исторического сознания в России конца XX – начала XXI столетий. Актуальность и социально-политическая значимость этой проблемы очевидна: количество носителей данного варианта сознания в современном мире неисчислимо, что говорит и о научно-исторической значимости ее анализа. Оценка либерализма президентом РФ В.В. Путиным на встрече Большой двадцатки в Японии 28-29 июня с. г. подтверждает это. Основное внимание в статье уделяется анализу формирования предпосылок, формирования либерального варианта исторического сознания, что составляет новизну и научно-практическую значимость поставленной проблемы. Она анализируется в данном случае в основном с опорой на применение сравнительно-исторического метода и принципа историзма. Массовый характер исторического сознания обусловил выбор источников информации, к которым относятся преимущественно материалы и публикации в газетах «Московский комсомолец» и «Советская Россия». Задача статьи состоит в анализе начального этапа формирования либерального варианта исторического сознания, что не исчерпывает всей его сути и содержания; задача также в том, чтобы показать, кто и как занимался этим формированием.

Ключевые слова: историческое сознание, реформы, либеральная позиция, социализм

DEVELOPMENT OF LIBERAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA AT THE TURN OF 20TH–21ST CENTURIES

N. Smolensky

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article analyses the development of liberal historical consciousness in Russia in the late 20th – early 21st centuries. The relevance and socio-political significance of this issue are obvious: the number of people carrying this form of consciousness in the modern world is innumerable, which also indicates the scientific and historical significance of its analysis. This is confirmed by the assessment of liberalism given by the President of the Russian Federation V. Putin at the G-20 meeting in Japan (28–29 June 2019). The article focuses on analysing the development of prerequisites for the formation of liberal historical consciousness that constitutes the novelty, as well as the scientific and practical significance, of the posed problem, which, in this case, is done using mainly the comparative historical method and the principle of historicism. The massive nature of historical consciousness determined the choice of information sources, which mainly include materials and publications in the newspapers *Moskovsky Komsomolets* and *Soviet Russia*. The article analyses the formation of liberal historical consciousness at its initial stage, which does not cover all its essence and content; as well as shows who and how was involved in this formation.

Keywords: historical consciousness, reforms, liberal position, socialism

Проблема исторического сознания до сих пор не находит однозначного истолкования во взглядах историков. Наиболее обоснованным является такое его понимание, согласно которому его сущность усматривается во взаимосвязи времен – прошлого, настоящего и будущего в сознании как индивида, так и общества; без наличия такой связи не существует ни того, ни другого. Неожиданным признаком исторического сознания является не только связь времен, но и ее разрыв, что происходит в периоды крутых общественных потрясений, революций. Развитие истории показало неизбежность восстановления связи времен после любого варианта ее разрыва, хотя это происходит в каждом случае в своем особом содержании. Разрыв связи времен никогда не означал воз-

никновения некой начальной, без какой бы то ни было связи с прошлым, фазы исторического развития в целом или в любом конкретном – территориальном или временном – вариантах этого развития.

В любой разновидности исторического сознания разрыв связи времен сочетается с точкой опоры на некоторый вариант исторического развития в качестве необходимого или цели этого развития. Наиболее отчетливо эта градация стала проявляться в XVII – XVIII вв. у просветителей. Отставив идею разума как движущей силы истории, просветители были поглощены идеей установления и господства в человеческом мире царства разума и справедливости. При всей неопределенности в целом этой идеи здесь был четко обозначен разрыв связи времен:

царство разума и справедливости – это разрыв со средневековым обществом, которому давалась однозначно отрицательная оценка, как некой ошибке: история пошла не так, не туда. При всей ошибочности этого вывода концепция просветительского мышления была одной из идейных основ перехода общества от старых, феодальных отношений к новому миру общественных отношений и всего, что с этим связано.

Напротив, направление романтиков конца XVIII – первой трети XIX вв. в лице историков, философов истории прежде всего не видели разрыва связи времен между средневековым обществом будущего и давали первому однозначно положительную оценку. Произошедшие с конца XVIII в. революции в странах Западной Европы показали – не во всем объеме мышления – правоту и ошибочность тех и других и, что еще более важно, социальные основы научных выводов в обоих случаях. Корни того или иного варианта исторического сознания – в социальных основах мышления, что подтверждается не только взглядами просветителей и романтиков.

Такова природа исторического сознания советского времени с вносимыми в него поправками относительно учебника по истории М. Н. Покровского. Это подтверждается так же, по существу, господствующим в структурах власти сегодня либеральным вариантом исторического сознания, стержнем которого является отрицательная в целом, или хотя бы в основном ее содержании, оценка советского прошлого [1]. Это тот разрыв связи времен в индивидуальном и общественном сознании, который порожден разрывом связи времен в реальной действитель-

ности – разрушением советского государства и его общественных основ. Причинами разрушения стали отсутствие социально-экономических перемен в стране; непримиримое враждебное отношение Запада, прежде всего США, к СССР с целью ликвидации социализма как системы; предательски негативное поведение части верхушки КПСС по отношению к социализму в стране. Это же стало основной формирования в ней либерального варианта исторического сознания.

Стремление США и Запада к демонстражу социализма в СССР выражается и в том, что они нашли сподвижников в реализации этих целей, в частности, А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе. Далее, к этому имеет отношение создание организаций с участием известных экономистов Ф. фон Хайека и М. Фридмана для соответствующей экономической подготовки тех, кто стал носителем идей «перестройки». Едва ли не главным наставником и вдохновителем отечественных реформаторов был Дж. Сакс, американский экономист, являвшийся в 1991–1994 гг. руководителем группы экономических советников президента Б. Ельцина. В 1983–85 гг. эту подготовку прошли А. Чубайс, Е. Гайдар, В. Потанин, Е. Ясин, П. Авен, А. Шохин и др. В 1991 г. стажировку в Австрии прошли А. Шохин, П. Авен, А. Нечаев, А. Улюкаев, А. Чубайс и другие¹.

Представители партийной верхушки КПСС раскрыли после разрушения СССР то, что было смыслом и целью их действий до этого («целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми», – М. Горбачев; «мы должны

¹ Советская Россия. 2018. 29 дек.

загадить социализм, как мухи засиживают лампочку», – А. Яковлев).

Прошли годы с начала экономических реформ в России, но уже до этого в стране стал формироваться либеральный вариант исторического сознания, стержнем которого было негативное отношение к советскому периоду нашей истории. Результаты реформ начали проявляться уже до их завершения, что лучше и раньше всех понял один из их наиболее известных и значимых творцов Дж. Сакс; не только понял, но и выразил достаточно неожиданно свое отношение к ним: «Мы положили больного (то есть Россию) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия»¹. Убийственно! Во-первых, кто это «мы»? Можно полагать, что это Сакс (хотя, конечно, не он один из, так сказать, врачей-пришельцев, реально их было больше) и вкуче с ним его российские наставники (отечественными их назвать никак нельзя, ибо для них Россия – не Отечество, а страна пребывания, «эта страна»). Впрочем, нет, не только это, Россия для них – еще и больной, которого они, не особенно с ним советуясь, положили на операционный стол. А какие у них были полномочия, в том числе, в профессиональном смысле? Никаких. Это стало ясно по результатам «вскрытия»: шарлатанство, или, говоря словами известного борца с привилегиями, имеющего самое прямое к этому отношение: ошибка вышла, вот такая загогулина! Понесли ли они за это ответственность? Увы, нет. Признают ли себя виновными? Тоже нет.

Знахарь-лекарь, он же Сакс, в интервью так комментировал происшед-

¹ Советская Россия. 1999. 18 фев.

шее: «Господин Сакс, несколько лет вы были экономическим советником президента Ельцина и, как кажется многим, одним из идеологов российских реформ. Не испытываете ли вы теперь чувства вины за то, что преобразования по вашим рецептам провалились?». Ответ: «Это чувство горечи, а не вины. То, что я наблюдаю в России – экономическая катастрофа, равной которой еще не было»². Тут надо сказать: отечественные «реформаторы», ученики Д. Сакса, пошли гораздо дальше своего наставника – ни чувства вины, ни чувства горести по поводу результатов «реформ» у них днем с огнем не сыскать. Тем более, эти результаты не являются для них катастрофой. Для Гайдара, Чубайса и прочих с их полным пренебрежением к нормам морали («Больше наглости!» – призыв с трибуны бывшего продавца цветов, ставшего вдруг первым специалистом в области энергетики) в результатах реформ нет катастрофы, – и потому, что есть их полное, откровенно циничное пренебрежение нуждами огромного большинства людей и столь же безудержный, циничный эгоизм по поводу своих собственных интересов.

«Московский комсомолец», надо отдать ему должное, называет своими именами и результаты «реформ» и стоящие за ними личностные свойства «реформаторов»: «Наших реформаторов объединяет общий признак. Все их реформы обернулись катастрофой, подавляющее большинство граждан обнищало и стало жить на десять лет меньше. А сами реформаторы стали в результате государственной катастрофы лично очень богаты. Их несостоятельность как реформаторов чудесным

² Советская Россия. 2000. 16 ноября.

образом обратилась в личные состояния, лимузины, охрану» (А. Минкин)¹. К этому следует добавить: «реформаторы», если бы они признавали за собой ошибочность содеянного, чего, конечно, никогда не будет, то должны были бы признать, что с научной точки зрения такие результаты реформ являются следствием отступления от принципа историзма.

Одно из требований этого принципа заключается в том, чтобы в политике, общественных преобразованиях применялись меры, согласующиеся с конкретной ситуацией в любом случае, т. е., чтобы способы лечения не противоречили анатомии, если прибегать к стилю Д. Сакса. Но какой уж тут историзм, бывший член редколлегии журнала «Коммунист» о нем и слыхом не слыхивал, хотя и стал доктором наук. Впрочем, дело, конечно, не в принципе историзма: чтобы так вершить дела, нужен был не историзм, а именно невежество. Об этом, об уровне мышления, профессиональной подготовке «реформаторов» «Московский комсомолец» отозвался с полной определенностью. Поводом для этого послужил крах аргентинского варианта реформ, до которого, однако, отечественные реформаторы рассматривали его и в качестве спасительного варианта для России.

А вот и сама оценка: «По всему видно было, что реформаторы не представляют что делать, цепляются в отчаянии за любую соломинку. Еще не много, и они наймут аргентинца главным советником по экономическим вопросам... Большое видится на расстоянии. Раньше казалось, у них не вполне удачно реформы идут, потому

¹ Московский комсомолец. 2001. 27 апр.

что объективные трудности, знаете ли, ну и небольшие просчеты. И только сейчас начинает проясняться, какая же это дремучая некомпетентность и самонадеянность страной управляла. Отнюдь не боги у нас горшки обжигают, если аргентинское чудо могло им казаться выходом из положения» (Ю. Калинина)². Почему «управляла»? Эта же газета по случаю годовщины со дня кончины известного предпринимателя А. С. Паникина, – кстати, обладавшего ярко выраженным чутьем историзма, помогавшего ему отстаивать идею самобытного развития России в противовес Западу, – эта газета свидетельствует: «Потом он, смеясь и матерясь, рассказывал, какую ахиною несут там с ученым видом (на высоких совещаниях. – Н. С.) <...> Хохоча он показал однажды кремлевскую бумагу – очередной план то ли Грефа, то ли Гайдара, как нам наконец обустроить... Черным по белому было написано: «Для борьбы с бюрократизмом создать комиссию»³.

Но уместно спросить: как понять, что газета, устойчиво пропагандирующая западные либеральные ценности, в большинстве публикаций занимает негативную позицию по отношению к либерал-реформаторам? Во имя плюрализма? Нет, общественное лицо газеты – указанная позиция. Но всегда ли газета занимала такую позицию по отношению к либерал-демократам? Тоже нет, сошлемся для ясности лишь на один материал из относительно недалекого прошлого: «Тезис о социальной справедливости – один из самых опасных политических тезисов, которые могут существовать.

² Московский комсомолец. 2001. 27 апр.

³ Московский комсомолец. 2003. 9 янв.

Множество раз доказано, что борьба за социальную справедливость кончается страшным делом. Раньше или позже. Поэтому на самом деле для нашей страны правильный тезис не о социальной справедливости, а о социальной приемлемости. Этот тезис... говорит о том, что на разных этапах... общество может соглашаться с теми или иными социальными издержками. Особенно в период реформ»¹. Это – Г. Явлинский. Откровенно излагается и оправдывается суть основного тезиса либерализма – всем, чем человек располагает, он обязан только самому себе, в этом и заключается, так сказать, высшая справедливость. Стремление к иной справедливости, – ясно говорит этот жрец либерализма, – ведет к крови. Увы. Так было в прошлом. Это свершившаяся история, ее страницы запечатлели именно иное, чем, по понятиям Г. Явлинского, стремление к справедливости. Это означает только одно: история по этим понятиям развивалась не так. Жаль, но автору этих понятий помочь нельзя.

Бросается, однако, в глаза, что для реализации идеала справедливости по Явлинскому от людей требуется жертва, хотя и не столь страшная, как в отвергаемом им варианте, – терпение. Этот намек вполне прозрачен: это – призыв к терпению по поводу социальных издержек из тех реформ, причастность к которым самого Явлинского не только прямая, но и весьма значительная – и в форме неосуществленного проекта «500 дней», и в качестве реформатора в Нижегородской губернии, эффект которых хорошо известен своими разрушительными последствиями, да и в иных ролях – в

¹ Московский комсомолец. 1995. 19 апр.

Думе и т. д. Но следует оговориться: так было только до определенного момента, точнее, не вполне определенного, поскольку мы не можем сказать с точностью, когда началась мутация. Но ясно: сегодня, в итоге мутации, получился некий гибрид либерализма, социал-демократизма, да еще и некоего консерватизма. В итоге – заявление о позиции, по своей сути несовместимое с приверженностью к тезису о социальной приемлемости: «Изменить положение тут (т. е. сегодня в стране – Н. С.) может только социал-демократия»².

Теперь почти социал-демократ пишет: «...люди увидели, что их жизнь (при «демократическом» правительстве Гайдара и Чубайса – Н. С.) резко ухудшилась, они почувствовали себя абсолютно отторгнутыми от своей собственной страны, от всего, что в ней происходит, почувствовали себя униженными и оскорбленными, поняли, что эта власть ничего хорошего им не даст...». Он озабочен тем, как сделать, «чтобы общество было справедливым и имелось не только формальное равенство всех перед законом, но и возможность равного доступа к ресурсам»³. Понять итог этой мутации несложно: это – стремление дистанцироваться от разрушительных последствий реформ, смена маски при отсутствии видения реальных путей выхода из сложившейся ситуации. Писать об этом академически нейтрально весьма сложно, ибо все эти мутации социального поведения вызывают массу негативных эмоций. Впрочем, это уже по сути разновидность поведения не социального, а биологического типа

² Московский комсомолец. 2002. 18 янв.

³ Там же.

– мимикрия, да и то с одним немало-важным отличием: там, в мире животных, мимикрия является лишь способом выживания особи, не связанным с причинением зла, в данном же случае особь стремится к выживанию, несмотря на причиненное зло.

Другим актером этого же рода, но с еще циничной траекторией полета, стал Г. Попов. Доктор политэкономии, марксист поневоле, демократ первой волны, в середине 90-х гг. высказывавший идею об образовании на территории страны около 50 самостоятельных государств, теоретик взятки, предлагавший ее узаконить. Попов, даже раньше, чем Явлинский, показал отход от либерализма как доктрины и стратегии «реформ» в России. По одному из самых принципиальных вопросов – оценке «реформ» критически-негативное к ним отношение этого человека определилось уже приблизительно во второй половине 90-х гг. Ельцин превращается из лидера «народной революции 1989–1991 гг.» в «отца новой российской демократии» и определяется Г. Поповым в качестве «бюрократареформатора». «Настоящий» демократ Г. Попов не замечает, что занимается изготовлением примитивной терминологической туфты, потому что точный смысл слова демократия – власть народа, а если этого нет, то и речь идет о какой-то иной власти, но не о демократии. Но это еще не все, речь идет не только о словоблудии. Показывая Ельцина как разрушителя, что, впрочем, верно, Г. Попов тут же посыпает голову пеплом: мы (т. е. они, «реформаторы», хотя речь ведется от имени интеллигенции России) не знаем, что надо строить и как. Ну, а дальше – как и следовало ожидать: тут не вина (его,

Попова, как и Ельцина), а беда, и, что самое главное, – беда всей России: Россия виновата! Опять ошибочка вышла, вот незадача! Тут верно только одно: ввергли Россию в ситуацию, о последствиях которой сейчас ничего определенного сказать невозможно.

Далее демократа первой волны надо цитировать – для точности стилистических перлов и цинизма шулера, уваливающего от ответственности и сваливающего ее на других: «Среди различных вариантов номенклатурных реформ, выбрал (Ельцин – Н. С.) наихудший: западнический, либеральный. А что он мог сделать, если его всю жизнь учили: чем скорее, тем лучше (советское воспитание виновато! – Н. С.), когда хор чикагских мальчиков (!) сулил успех максимум через год? Когда эти розовые штанишки были поддержаны вполне солидными смокингами Международного валютного фонда, МБРР, ОБСЕ и т. д., и т. п.? Когда либералы предлагали 500 дней? (Каково? Пауки в банке. – Н. С.). Когда народ кричал: «Сотвори чудо!». И вполне скромно о себе: «Когда альтернативные предложения, скажем, мои, для реализации которых я готов перейти в правительство (маловато: на рельсы не обещал лечь. – Н. С.), были рассчитаны на десять лет, казались «заумными профессорскими бреднями» Коржакову, а Гайдар прямо говорил: «Или я – или Попов»¹.

Приведенные откровения скрывают и тут один общий и точный смысл: это – откат от либерализма, который был, конечно, родимым пятном и демократов первой волны при всех различиях между ними в оттенках взглядов. Коренная причина отката также

¹ Московский комсомолец. 2000. 2 авг.

вполне понятна – результаты реформ, замышлявшихся и проводимых по лекалам либерализма, результаты, от которых их инициаторы, хотя и не все, хотели бы отмежеваться. Странное дело, но именно это им открыло глаза на целый ряд реалий, по отношению к которым они были раньше поистине слепы. Одной из них является обращение к историческому опыту реформ в Китае. Попов солидаризируется, в частности, со следующими выводами по поводу успеха этих реформ:

– КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточилась на создании нового;

– китайские реформы сразу обернулись лицом к нуждам населения, к обеспечению его дешевыми товарами и продовольствием;

– реформы в Китае исходили из особенностей своей страны, а не из рецептов зарубежных знатоков (вот как!);

– в стране практически не было приватизации, а частный сектор создавался не взамен государственного, а методом заполнения пустующих участков экономики.

И, наконец, проблема уменьшения платы за реформы оставалась одной из главных¹. Даже в этой фазе ощущается циничная и вместе тем с лживая суть либерализма, для которого личность – превыше всего, но социальная плата за реформы – лишь одна из главных. И это еще по понятиям либерала-отступника; для других российских «реформаторов» понятие социальной платы, надо полагать, вообще лишено какой-либо цены. Китайские же реформы проводились в интересах огромного большинства, иначе бы они не имели такого эффекта. Следовательно, в

¹ Московский комсомолец. 2000. 8 дек.

этом случае мы имеем дело с искажением Г. Поповым подлинной сути социальной направленности китайских реформ.

Второе искажение проистекает из того, что Г. Попову очень не хотелось эти реформы связывать со строительством социализма в Китае, поэтому для него Китай идет по пути строительства постиндустриального общества. Тут Попову можно только посочувствовать: Китай идет своим путем, к каким бы словесным подвертываниям Попов не прибегал. Ситуация с подвертыванием важна и в другом отношении – в связи с новой, современной гранью лавирования Г. Попова, мутацией его взглядов. Но сейчас обратим внимание на то, что совсем за небольшой срок с момента появления вышеуказанной публикации критический тон отношения Г. Попова к российским «реформаторам» значительно окреп. Это показал крах аргентинского варианта экономических реформ, «... который власти России (по советам Международного валютного фонда и собственному разумению) навязывали стране с января 1992 г.».

Либерал-демократ первой волны остался в полном недоумении относительно того, что новое российское руководство не воспользовалось, казалось бы, удобным «аргентинским» предлогом, чтобы, говоря о событиях в другой стране, подвести черту в России и под политикой шоковой терапии, и под стремлением одних ее сторонников уйти от ответственности и покаяния. Либерал-реформатору Попову можно было только посочувствовать: покаяния от Чубайса и иных ему придется ждать примерно столько, сколько понадобится для того, чтобы

заговорили пирамиды Древнего Египта. Что же касается ответственности, то хорошо уже хотя бы то, что Г. Попов об этом пишет, сама собой пора ответственности не придет.

А теперь перейдем к свидетельствам последней фазы эволюции – трансформации взглядов Г. Попова, оговорившись, что последней она является лишь для сегодняшнего дня, следовательно, никак не окончательной. Основанием для такого вывода о будущем Г. Попова является его прошлое, суть которого выражается в одном слове – мимикрия. Суть этой последней фазы прекрасно выражает его следующее признание: «Я – человек по преимуществу социалистических убеждений, как и Аристотель (!), я считаю человека существом политическим. Как и Христос (!!), я считаю, что человека делает человеком любовь к ближнему. И меня огорчает, что массовый подход социалистов и социал-демократов к власти в ведущих странах мира не создал новой теории социализма»¹. Одно ясно: у Аристотеля, как и у Христа, достойный человек и продолжитель, особенно по части скромности. Поистине, самое здоровое чувство по отношению к людям этой породы – брезгливость.

Аристотель рассматривал человека в качестве животного политического и при всей его гениальности не мог продвинуться дальше, ибо ему этого не позволяло сделать его время, в условиях которого принадлежность человека к полису, общине, государству одновременно имела во многом решающее значение. С разъединением сфер государства и общества, различием прав и обязанностей человека и гражданина в новое время пришла пора и

¹ Московский комсомолец. 2002. 2 авг.

нового понимания природы человека: человек – животное общественное, что конечно, глубже и вернее. Так думали Сен-Симон, а потом и Маркс. И это помогло понять время. Но никакое время не поможет Г. Попову преодолеть его собственную ограниченность, боги тут бессильны.

А о каком социализме толковал этот «социалист»? У него теории социализма нет, поскольку, как он считает, ее вообще нет, но ее «обязательно выдвинет» эпоха постиндустриального общества. Но у Г. Попова контуры социализма будущего все же есть. Это, во-первых, не советский социалистический проект, который «был болен неизлечимыми болезнями». Во-вторых, основой нового общества становится интеллигенция, а господствующим классом – бюрократия; интеллигенция по характеру своего труда «ориентирована на неравенство»². В другой публикации фундаментальный социалист и экономист (видно, как он неустанно работает над идеей социализма) дополняет эти контуры: социализм XXI в. – это социализм среднего класса. В качестве главного противника новый социализм сталкивается с частным собственником и даже не с олигархами, а с номенклатурой. Главные принципы социализма – равенство, справедливость и солидарность³.

Не будем рассматривать смысл этих понятий у Г. Попова, хотя это тоже говорит о многом. Возьмем одну из центральных идей этого «социалистического проекта», хотя об этом говорится попутно и вскользь – о совместимости социализма и частной собственности. Ведь согласно этому, социализм совме-

² Московский комсомолец. 2002. 2 авг.

³ Московский комсомолец. 2002. 20 нояб.

стим даже с олигархами – речь идет, надо полагать, о явлениях российской действительности. Что такое социализм третьего класса? Трудно понять, во-первых, то, что в одном случае основой общества объявляется интеллигенция, а во втором – средний класс: это одно и то же или нет? Во-вторых, средний класс составляет всю структуру общества или является ее частью? Надо полагать – частью, иначе это не был бы средний класс. Значит, есть иные прослойки? Тоже верно:

1) лица наемного труда, без которых и представители малого бизнеса, если они – собственники средств производства, не обходятся;

2) богатые и сверхбогатые.

Может ли общество состоять из лиц только среднего достатка, в том числе собственников этого типа? Нет, потому что в природе частной собственности заложено неравенство и стремление к прибыли, следовательно, и собственник средней руки может разориться или выбиться в верхний слой собственников. Далее, может ли быть построено новое, т. е. социалистическое общество без изменения фундаментальной основы уже существующего строя – частной собственности? Нет, в любом случае это будут модификации этого строя. Октябрьская социалистическая революция означала довольно радикальное по темпам утверждение практически одной формы собственности в России – государственной, что по существу, и позволило пройти стране в считанные десятилетия путь от сохи до атомного оружия (У. Черчилль).

Другой, мирный, эволюционный путь развития – через сосуществование различных форм собственности

как вариант перехода к общественной собственности; это имеет место в современном мире, где сосуществуют частная, государственная, корпоративная (в разных модификациях) формы, причем важно не только сосуществование, но и тенденция развития. Что же касается общества среднего класса, то оно также есть в современном мире, и, хотя его представители порой вполне искренне считают его социалистическим, оно является лишь новейшей фазой (со второй половины XX в.) прежнего капиталистического (индустриального) общества – Канада, Швеция, Нидерланды и т. д.

Конечно, вопрос о будущем является открытым. По отношению к нему Г. Попов и в рамках своего «социалистического проекта» небольшой оптимист, скорее, скептик, для которого ««Фауст» – это потрясающая по трагизму история о тупиковости, безысходности судьбы интеллектуала в его попытках создать счастливую жизнь на этом свете»¹. Надо полагать, жизнь для всех. Ну, ничего, было бы самому Попову хорошо.

Формирование либерального варианта исторического сознания в конце XX – начале XXI вв. проходило не в качестве однозначно выраженного процесса, а как совокупность его разновидностей с достаточно определенно выраженной их разницей в оценке советского прошлого. Критически негативная оценка реформ в России 90-х гг. XX в. в средствах массовой информации порождалась настроением людских масс, которое формировалось разрушительными последствиями реформ. Эти настроения в определенной мере отодвигали проблему отношения

¹ Московский комсомолец. 2002. 11 дек.

к советскому прошлому, оценка которого в общественном сознании выглядела менее важной и актуальной. Формирование содержания этой оценки падало на самих реформаторов и формировавшейся прослойки либеральной интеллигенции, к представителям которой в данном случае относятся

Г. Явлинский и Г. Попов. Оценка эта была уже в начальном варианте формирования либерального исторического сознания однозначно отрицательной, что наиболее отчетливо проявилось в позиции и взглядах Г. Попова.

Статья поступила в редакцию 17.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Смоленский Н. И. Проблемы методологии истории. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 163 с.

REFERENCES

1. Smolensky N. *Problemy metodologii istorii* [Problems of the methodology of history]. Moscow, MGOU Ed. off. Publ., 2018. 163 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

AUTHOR INFORMATION

Nikolai I. Smolensky – Doctor of Historical sciences, Head at the Department of modern, contemporary history and methodology, Moscow Regional State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н. И. О формировании либерального варианта исторического сознания в России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72

FOR CITATION

Smolensky N. On the formation of a liberal version of historical consciousness in Russia at the turn of XX–XXI centuries. In: Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences, 2019, no. 4, pp. 62–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-62-72